

Кое-что из анамнеза в интересах диагноза и в перспективах прогноза

В. М. РУСАКОВ

Попробуем и мы, по выражению В. Н. Поруса, подергать за некоторые ниточки, торчащие из предложенных клубков. В. М. Межуев весьма провокативно очертил ряд проблем, хотя в итоге сформулировал ряд вполне оптимистично звучащих риторических вопросов.

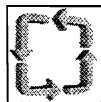
Начнем с того, что никакие современные исследования в области наук о культуре не поставили под сомнение положение о том, что философия есть знание (иначе что же это за «любовь к мудрости»?). Философия (как наука и искусство, техника и религия) может быть (бывать) чем угодно: пугалом (для обывателя), отравой (для студента), орудием преступления (в массовой культуре) и т. п. Но все же «по природе своей» она есть знание и прежде всего знание теоретическое (в противном случае она действительно превращается в «нечто выходящее за»). Эту свою «природу» философское знание выработало в течение прошедших веков своей истории. Создание особого мира теоретических конструкций для исследования смысложизненных вопросов было громадным шагом человечества. Много иллюзий и фантомов пришлось преодолеть на этом пути. И один из весьма важных уроков здесь заключается в том, что при всех своих объективациях этот мир существует лишь в деятельности доискивающегося до этих вопросов человека (и общества).

И когда мы слышим, что философия будто бы перестала быть знанием, перестала быть теоретическим знанием, перестала доискиваться до фундаментальных смысложизненных вопросов бытия и существования человека, – значит, случилось что-то с человеком и обществом: с чего бы это они перестали интересоваться? Наступила «ясность в мыслях необычайная»? Поскольку очевидно, что ни того, ни другого нет сегодня в мире, значит, дело не в самой философии, а в философях и, что особенно важно, не во всех, а в некоторых. Тех, что «обслуживают» интересы правящих элит, шоу-

бизнеса. Нет необходимости пояснять смысл категории «обслуживание» – это достаточно исследовано, чтобы смешивать с обывательскими представлениями.

В «сухом остатке» таких теорий отчетливо просвечивает главный вывод (а точнее – пожелание): философия не должна быть знанием или, по крайней мере, знанием теоретическим; не должна доискиваться (а тем более претендовать на их открытие!) принципиальных смысложизненных ориентаций человека в мире. В информационном шуме «информационного общества» нам запросто «докажут» равнозначность (равнобесмысленность) и мудрейшего знания, полученного дорогой ценой, и «откровений» очередного гуру-пророка, и неимоверно пошлых разглагольствований то чиновника от образования, то партийного функционера. В одночасье оказалось, что гуманистические ценности то ли изжили, то ли дискредитировали себя; что религии и церкви вдруг оказались единственными носителями и хранителями духовности; что познавательная ценность религиозно-мифологического и научно-теоретического знания одинакова и т. д. и т. п. А уж в области социально-антропологической нам столь «открытий чудных» сготовили шоумены от псевдофилософии, что поистине дух захватывает (научно-теоретическое знание все-таки отличается скромностью). Мы сегодня вдруг перестали понимать, как это так случилось с разделением человечества на «золотой миллиард» и прочих; чем отличается «гуманитарная интервенция» от обычной агрессии; откуда берется терроризм и так далее.

С этим логически связаны упреки философии не только в наукообразии, но даже в покушении на свободу и индивидуальность. То, что объективное знание того, «как оно есть на самом деле», содержит в себе известную несвободу для субъективного произвола, является общим местом и не составляет проблемы. Дело, видно, в другом: нужно ли нам знать, «как оно есть на самом деле»? А точнее – тем, кому это может очень помешать, создать жизненные неудобства (вплоть до исчезновения из этой жизни). Поэтому, в частности, в нашей стране значительному числу субъектов принятия решений (и подразумеваемой ответственности) совершенно неинтересно объективное состояние нищеты большинства россиян, диких порядков в армии, размеров коррупции чиновничества и преступности, детской беспризорности и способов фантастически стремительного обогащения «олигархов». В таких обществах, действительно, вряд ли могут существовать какие-либо «общезначимые ценности» (нищему учителю и врачу не понять «высших смыслов» приобретения зарубежного спортивного клуба или многомиллионных яхт и особняков в зарубежных столицах). Это же справедливо для мира в целом.

И не проходят здесь никакие ссылки на пресловутую «мультикультурность» современного мира, которая-де лежит в основе гносеологического и этического релятивизма. Такой подход не выдерживает никакой критики: идея уравнивания всех исторически сложившихся и данных на сегодня культур как одинаково равноправных эталонов человеческого культурного поведения («толерантность») – совершенно искусственна и надуманна. В различных культурах современного человечества содержится весьма различное соотношение элементов архаических, современных и перспективных. Поэтому простое принятие их за всеобщий, равно для всех приемлемый эталон вполне может означать очевидный шаг назад: как ношение хиджабов во французских университетах, или фотографирование для водительских удостоверений в парандже, или возвращение закона божьего в российские школы.

Культуры, как показывает история, при их взаимодействии способны к созданию новых органических целостностей, но при условии отказа от элементов архаических (канибализм, ксенофобия, человеческие жертвоприношения, тотемизм и фетишизм и т. п.). Абстрактная, «толерантность» в лучшем случае выполняет предохранительную функцию, в худшем – консервирует самые архаичные элементы национально-этнических культур (самобытность!). И опять-таки, суть проблемы конфликтов межкультурного взаимодействия лежит в характере господствующих отношений в обществе. Рыночный фундаментализм уж точно всегда будет основой категорического отрицания всякого культурного своеобразия: сегодня об этом не пишет только ленивый. Только вот «добрый гегемон», по выражению Ю. Хабермаса, появившийся у человечества в начале XXI века, иных отношений в принципе не приемлет, и чем дальше будут интегрироваться Европа и мир, тем более крайние формы это будет принимать.

Может показаться, что автор крайне социологизирует и политизирует проблему места в философии и культуре. Однако история философии дает нам достаточно оснований утверждать, что без надлежащего рассмотрения социально-исторических и политических компонентов анамнеза современного положения философии уже невозможен ни полноценный диагноз, ни тем более – прогноз.